

Вызовите акушерку. Тени Ист-Энда

Автор:

[Дженнифер Уорф](#)

Вызовите акушерку. Тени Ист-Энда

Дженнифер Уорф

Вызовите акушерку #2

С начала 1950-х и до середины 1970-х годов Дженнифер Уорф работала акушеркой в бедном лондонском районе Ист-Энд. В городе, покрытом шрамами недавней войны – полуразрушенными домами, пустырями и перекрытыми улицами, – она узнала истории тех, кто помнил ещё более суровые времена. Нищета и голод вынуждали людей искать приюта в работных домах, попасть в которые было настоящей трагедией. «Тени Ист-Энда» – это истории о невообразимых трудностях, стойкости и силе человеческого духа и летопись жизни, которая сегодня кажется невероятной. Трилогия Дженнифер Уорф «Вызовите акушерку» стала несомненным бестселлером и легла в основу одноимённого сериала компании BBC. Он собрал у экранов более десяти миллионов зрителей и стал наиболее успешным драматическим сериалом на телеканале BBC One с 2001 года.

Дженнифер Уорф

Вызовите акушерку. Тени Ист-Энда

Jennifer Worth

Shadows of the Workhouse

© CTM Productions Ltd.

A Neal Street Production for the BBC

Copyright © Jennifer Worth 2002

© Дженнифер Уорф, 2012

© Дарья Горянина, перевод на русский язык, 2017

© Livebook Publishing Ltd, 2017

С уважением и благодарностью посвящается Патриции Хольт-Скулинг из издательства Merton Books, чья прозорливость, смелость и предприимчивость привели к первой публикации этих книг.

Благодарности

Мейзел Брар – за юридические консультации; Дугласу Мэю, Пегги Сейер, Бетти Хоуни, Дженни Уайтфилд, Джоан Хендс и Хелен Уайтхорн – за советы, корректуру, перепечатку и редактуру; Филипу и Сюзан – за всё; замечательным людям, которые рассказывали мне о рабочих домах, особенно Кэтлин Дейли и Деннису Стренджу; Крису Ллойд из библиотеки Бэнкрофт, Майл-Энд, Лондон; Джонатану Эвансу из Королевского медицинского архива, Лондон; Ив Хостеттлер из Фонда истории Собачьего острова, Лондон; Джин Тодд, Аллану Янгу и Джеффу Райту – за помощь с архивными иллюстрациями; архиву лондонского метрополитена; архиву Хакни; Краеведческому центру и архиву Кэмдена; библиотеке Грейвсенд в Кенте – за материалы по местной истории; Питеру Хиггинботему – за помощь в проверке фактов истории рабочих домов.

Часть I

Дети работного дома

Ноннатус-Хаус

Ноннатус-Хаус служил одновременно и обителью, и приёмным покоем для ордена сестёр Святого Раймонда Нонната[1 - «Акушерки Святого Раймонда Нонната», «Сент-Раймондские акушерки» - это псевдоним. Я назвала их так в честь святого Раймонда Нонната, покровителя акушерок, акушеров, беременных, рожениц и новорождённых. Он появился на свет в Каталонии в 1204 году посредством кесарева сечения (non natus по-латыни значит «нерождённый»). Его мать, что неудивительно, скончалась при родах. Он стал священником и умер в 1240 году.] и располагался в сердце лондонского района Доклендс. Медсёстры и акушерки Ноннатус-Хауса работали с жителями Собачьего острова, Степни, Лаймхауса, Миллуолла, Боу, Майл Энда и частично Уайтчепела. Я служила там в 1950-х годах. После войны прошло ещё совсем немного времени, и город был покрыт шрамами - пустыри, разрушенные магазины, перекрытые улицы и дома без крыш, зачастую заброшенные. Тогда порт работал в полную силу, и каждый день здесь разгружали и погружали миллионы тонн груза. По Темзе ходили огромные торговые суда и пробирались к пристаням по сложной системе каналов, шлюзов и бухт. Совершенно обычным делом было идти по улице всего в нескольких футах от гигантского торгового корабля. Даже в середине века около шестидесяти процентов всех грузов разгружалось вручную, и порты кишели рабочими. Многие из них вместе с родными ютились в крохотных окрестных домишках.

Семьи тогда были огромные, но все жили в тесноте. Сегодня такие жилища остались разве что на страницах Диккенса. В большинстве была проведена холодная вода - но не горячая. Примерно в половине домов имелся туалет, но у остальных уборная располагалась на улице, зачастую общая с соседями. Ванн почти нигде не было. Мылись в корыте, которое ставили на пол кухни или гостиной, или же ходили в общественную баню. Почти везде было электрическое освещение, но часто встречалось и газовое, и мне не раз приходилось принимать роды при тусклом газовом свете или же при свете фонарика или керосинки.

Тогда, незадолго до революции, которую произвели оральные контрацептивы, женщины рожали часто. Моей коллеге довелось принять восемнадцатого ребёнка у одной матери, а мне – двадцать четвёртого. Конечно, до такого доходило редко, но десять детей были обычным делом. Хотя в моду уже входил обычай ложиться в больницу для родов, женщины в нашем районе не гонялись за новизной и предпочитали разрешаться дома. Всего двадцать-тридцать лет назад они принимали роды друг у друга – так же, как делали веками – но в 1950-х, с учреждением Национальной службы здравоохранения, беременностями и родами стали заниматься квалифицированные акушерки.

Я работала с сёстрами Святого Раймонда Нонната, религиозным орденом монахинь-англиканок, история которого восходит к 1840-м. Этот орден объединял под своим крылом санитарок – в те времена, когда их считали отбросами человеческого общества. Сёстры, на всю жизнь связанные обетами бедности, целомудрия и послушания, жили в Попларе с 70-х годов XIX века. Они начали свою деятельность в то время, когда беднякам не оказывалось фактически никакой помощи и женщина с ребёнком выживала или умирала в одиночестве. Послушницы были бесконечно преданы религии и людям, которых считали своими подопечными. В те времена, когда я работала в Ноннатус-Хаусе, старшей сестрой была сестра Джулианна.

Зачастую монастыри притягивают женщин средних лет, которые по тем или иным причинам не могут больше справляться со своей жизнью. Они всегда одиноки – вдовы или разведённые. Зачастую это тихие, застенчивые, деликатные женщины, страстно тянущиеся к добру, которое видят в монастыре, но не могут найти в жестоком внешнем мире. Обычно они истово соблюдают все ритуалы, и монастырская жизнь видится им чем-то романтическим и потому бесконечно желанным. Однако мало кто из них способен дать пожизненный обет нестяжания, безбрачия и послушания – и мало кому, подозреваю, хватило бы силы воли соблюдать этот обет. Поэтому они колеблются на пороге, не входя в этот мир, но и не покидая его.

Такой была Джейн. Когда мы познакомились, ей, видимо, было около сорока пяти, но выглядела она старше. Высокая, худая, она выглядела как леди: тонкая кость, изящные черты лица, изысканные манеры. В другом месте она сошла бы за выдающуюся красавицу, но из-за своей неряшливости казалась блёклой и невзрачной. Вероятно, в этом и состояла её цель. Мягкие седые волосы могли бы очаровательно виться, но она стригла их сама, и причёска смотрелась рваной и бесформенной. Высокий рост мог бы придавать благородство её облику, но она

ситуация, из-за чего выглядела несколько подобострастно. В больших выразительных глазах, окружённых морщинами от вечного беспокойства, застыла тоска. Голос её звучал тихо, словно шелест, и она не смеялась, а скорее нервно хихикала.

Вообще нервозность была её определяющей чертой. Казалось, она боится всего вокруг. Даже за обедом она не осмеливалась братья за приборы, пока остальные не приступили к еде, и у неё так тряслись руки, что она то и дело что-нибудь роняла, после чего долго извинялась перед всеми, а особенно перед сестрой Джулианной, которая неизменно сидела во главе стола.

Джейн много лет прожила в Ноннатус-Хаусе и была здесь чем-то средним между медсестрой и прислужгой. Я считала её очень образованной женщиной, которая легко могла бы стать хорошей медсестрой, но что-то ей мешало – видимо, вечная робость. Она не сумела бы взять на себя ответственность, неизменно ложащуюся на всякого медика. Поэтому сестра Джулианна поручала ей простые задачи: сделать обёртывание, клизму или принести что-нибудь пациентке. Выполняя эти поручения, Джейн была вне себя от волнения – она вечно копалась в сумке и бормотала: «Так, мыло, полотенца. Всё взяла? Ничего не забыла?» На работу, которую любая опытная сестра выполнила бы за двадцать минут, у неё уходило два, три часа, а закончив, она страстно ждала признания, словно моля взглядом об одобрении. Сестра Джулианна всегда отмечала её скромные достижения, но я видела, как докучает ей необходимость постоянно помнить, что Джейн надо хвалить.

Кроме того, Джейн понемногу помогала сёстрам и акушеркам: мыла инструменты, собирала вещи и так стремилась угодить, что это раздражало. Если её просили принести шприц, она возвращалась с тремя. Если требовался ватный тампон для одного ребенка – она тащила двадцать и вручала их с льстивой улыбкой и нервным хихиканьем. Вечная потребность угождать не давала ей покоя.

Всё это крайне мешало – особенно если учесть, что она годилась мне в матери. А поскольку работала она раза в три медленнее меня, то я старалась к ней не обращаться. Но наблюдать за ней было интересно.

Большую часть времени Джейн проводила в Ноннатус-Хаусе, и одной из её задач было записывать, кому звонили. Заметки она вела тщательно, с обилием ненужных подробностей. Кроме того, она помогала миссис Би на кухне, внося

этим немало сумятицы: миссис Би делала всё энергично и чётко, а Джейн отвлекала её своим постоянным смятением. «Быстрее!» – восклицала миссис Би, а бедная Джейн, парализованная от ужаса, лепетала: «Да-да, конечно, простите» – но пошевелиться была не в силах.

Как-то я услышала, что миссис Би просит Джейн почистить картошку и порезать её пополам, чтобы запечь. Чуть позже она собралась ставить блюдо в духовку и увидела, что Джейн нарезала каждую картофелину на множество кусочков. Ей никак не удавалось добиться того, чтобы половинки были одинаковыми, и, не в силах остановиться, она снова и снова резала каждую пополам и, наконец, совсем их измельчила. Когда миссис Би взорвалась, Джейн, белая от ужаса, вся дрожа, взмолилась о прощении. К счастью, в этот момент вошла сестра Джулианна и, оценив ситуацию, спасла Джейн.

– Ничего страшного, миссис Би, поедим сегодня пюре. Как раз нарезано идеально. Джейн, пойдём со мной, нам только что принесли стирку, надо всё проверить.

Взгляд бедняги Джейн выражал в этот момент всё – ужас, горе, благодарность и любовь. Я смотрела ей вслед и гадала, что же сделало её такой уязвимой. Хотя сёстры всегда были к ней добры, она словно жила в своём бесконечно одиноком мире.

Джейн была невероятно набожной, каждый день ходила к обедне и посещала большинство служб. В часовне она перебирала чётки, не отрывая взгляда от алтаря, и по сто раз кряду повторяла: «Иисус меня любит, Иисус меня любит». Подобный пыл легко вызывает насмешку. Такие, как Джейн, часто становятся предметом издёвок.

Как-то раз мы с Джейн пришли на ярмарку на Крисп-стрит – дело было перед Рождеством, и прилавки были завалены безделушками и сувенирами. На одном из столов лежал гладкий цилиндрический жезл пяти-шести дюймов в длину, опоясанный выступающей кромкой, с закруглённым полированным кончиком с дырочкой в центре.

У всех на глазах Джейн взяла жезл двумя пальцами и поинтересовалась:

– Что же это?

Все смолкли и уставились на неё. Никто не засмеялся.

Торговец, ушлый острослов лет пятидесяти, всю свою жизнь торговал разным хламом. Он театрально сдвинул картуз на затылок, медленно затушил окурок об прилавок, осмотрел публику и принял вид совершенной невинности.

- Что это? Неужели вы, леди, никогда раньше такого не встречали?

Джейн покачала головой.

- Ну как же, это ведь медомес. Он самый, леди. Чтобы, значит, мёд ваш мешать.

- Неужели?

- Да-да, в самом деле. Давняя придумка, леди, уже давняя. Странно, что вы их раньше не видали.

- Никогда. Удивительно, всегда можно узнать что-то новое! А как же им пользоваться?

- Как пользоваться? Ну-ка, дайте, я вам покажу, с вашего позволения.

Он забрал жезл у Джейн, и разросшаяся толпа начала тесниться, чтобы ничего не пропустить.

- Суёте, значит, этот медомес в свой горшочек и мешаете, значит, свой мёд, вот так вот, - он покачал рукой, - а мёд, значит, прилипает к этой кромке, видите?

Он нежно потёр кромку жезла.

- Ну вот, значит, мёд здесь прилипает, а потом отсюда капает.

- В самом деле? Замечательно, - сказала Джейн. - Никогда бы не подумала. Наверное, пользуется большой популярностью у пчеловодов в сельской местности.

– О да, в деревнях с такими не расстаются – у них и пчёлки, и бабочки, и всё такое.

– Очень полезное изобретение. Сестра Джулианна любит мёд. Надо бы купить ей такой на Рождество. Ей наверняка понравится.

– О да, сестре Джулианне понравится, зуб даю. Я вот, например, считаю, что лучшего рождественского подарка и не придумать. Вообще-то я за него брал четыре шиллинга, но поскольку вы, леди, хотите подарить его на Рождество сестре Джулианне, то вам я его уступлю за два шиллинга и шесть пенсов, и это только из уважения к вам, – осклабился торговец.

– Как мило с вашей стороны! – воскликнула Джейн, протягивая деньги. – Я очень тронута, а сестра наверняка будет в восторге.

– Даже и не сомневайтесь, тут двух мнений быть не может. Крайне рад знакомству, мэм, вы меня очень сегодня порадовали.

– Неужели? – заулыбалась Джейн. – Даже и не знаю чем, но мне так приятно. Как хорошо радовать других, верно?

Настало Рождество. Утром мы вернулись из церкви и стали готовить столовую к праздничному обеду. Стол украшали ангелочки. У нас было принято обмениваться подарками за трапезой и класть их рядом с тарелками одаряемых.

Я не могла отвести взгляда от коробочки в серебряной обёртке и с красной лентой возле тарелки сестры Джулианны. Что же будет?

В то Рождество за столом нас сидело четырнадцать человек – вместе с двумя монашками из Северной Африки, которые очаровательно смотрелись в своих белых одеждах. Мы помолились и помянули дары волхвов, после чего принялись открывать подарки. Со всех сторон доносились охи и ахи, все смеялись и целовались. Сестра Джулианна взяла свой подарок со словами «Что же это может быть?», и сердце моё упало. Она сняла бумагу и открыла коробку. Единственное, что её выдало, на долю секунды приподнявшиеся брови. Она осторожно закрыла коробочку и с ослепительной улыбкой повернулась к Джейн, всем своим видом выражая радость.

– Какая красота. Джейн, это замечательный подарок. Всегда о таком мечтала. Спасибо тебе огромное.

– Это медомес, – с готовностью пояснила Джейн. – Старинная вещица.

– Да-да, я это сразу поняла. Какая же ты внимательная, милая Джейн!

Сестра Джулианна нежно её поцеловала и незаметно спрятала коробочку.

По всему выходило, что Джейн туповата. Только по её книгам я поняла, что на деле всё совсем не так. Она читала жадно, самозабвенно. Книги были её единственным баловством, и она нежно берегла их. Я подглядела авторов на обложках и была потрясена: Флобер, Достоевский, Рассел, Кьеркегор. Разумеется, она ежедневно читала Библию, но помимо Ветхого и Нового завета в круг её духовного чтения входили Фома Аквинский, Блаженный Августин, Хуан де ла Крус. Я посмотрела на неё другими глазами. Изучать Фому Аквинского для удовольствия! Вот вам и недалёкая Джейн.

Но если кто-то заставлял её за чтением, она подскакивала и виновато отбрасывала книжку, говоря: «Вам чем-нибудь помочь? Что-нибудь принести?» – или даже: «Я как раз собиралась накрывать на стол к завтраку, я не отдыхала, вовсе нет». Так умные люди себя не ведут.

Впоследствии я выяснила, что Джейн двадцать лет была горничной. Она начала работать в четырнадцать лет, а в то время простой служанке жилось непросто. Ей следовало вставать в четыре часа утра, приносить дрова, уголь, чистить каминные решётки и разводить огонь. Впереди был тяжёлый день на побегушках у хозяйки дома, и так до десяти-одиннадцати вечера, когда ей, наконец, разрешали идти спать.

В работе Джейн была безнадёжна. Как бы она ни старалась, ей не давались даже простейшие дела. Хозяйка вечно на неё сердилась, и Джейн стала пугливой, неуклюжей и постоянно всё роняла. Она всегда боялась ошибиться и всегда ошибалась, её увольняли, приходилось искать новое место – и всё начиналось сначала.

Сложно найти более бездарную горничную, чем Джейн. Она была совершенно непригодна для службы – ведь часто случается, что умные люди теряются,

сталкиваясь с бытовыми неурядицами.

Бедная Джейн! Я как-то наблюдала, как она пытается зажечь газовый фонарь. У неё это заняло сорок минут. Сперва она рассыпала спички, после чего последовательно сломала решётку, разбила стекло, порезалась, подожгла кухонное полотенце и обои. Неудивительно, что её то и дело увольняли.

Помню ещё, как однажды она пролила на пол пару капель молока. Дрожа и всхлипывая, она повторяла: «Сейчас уберу, сейчас уберу!» – после чего вымыла пол во всей кухне, сдвинув столы и стулья. Остановить её было невозможно. Я спросила сестру Джулианну, почему она такая.

– В детстве её сломали, – объяснила сестра. – Тут уже ничего не поделаешь.

Джейн редко выходила и никогда не ночевала за пределами Ноннатус-Хауса. Единственной, кого она навещала, была Пегги, что жила на Собачьем острове со своим братом Фрэнком.

Пегги сложно было назвать пухленькой – на ум скорее приходило слово «пышная». Её фигура олицетворяла покой, а огромные серые глаза, обрамлённые чёрными ресницами, смотрели мечтательно и чувственно. Чистая нежная кожа сияла, а когда она улыбалась – а это происходило частенько, на щеках появлялись очаровательные ямочки, и вы уже не могли отвести от неё взгляд. Она казалась воплощением соблазна.

Однако Пегги не принадлежала к тем праздным дамам, что умащают себя кремами и притирками и играют с мужскими сердцами. Пегги была подёнщицей. По утрам она убиралась в конторах, днём чистила богатые дома в Блумсбери и Найтсбридже, а по вечерам отмывала рестораны и банки.

Три раза в неделю Пегги убиралась в Ноннатус-Хаусе, и после её ухода дом благоухал воском и карболовым мылом. Все её любили. Её красота услаждала взор, а улыбка поднимала настроение. Она неизменно напевала, пока возилась со щётками и мылом, и голос у неё был нежный и лишённый фальши. Репертуар её состоял из старомодных народных песенок и гимнов из тех, что учат на уроках и в воскресных школах. Слушать её было одно удовольствие, даже когда она просто говорила.

Пегги была ко всем добра и словно никогда ни на что не сердилась. Помню, как я как-то вернулась в середине ночи (сейчас кажется, что дети появлялись на свет исключительно по ночам, и чаще всего во время дождя), вся мокрая и чумазая. Мне пришлось сорок минут прождать на Манчестер-роуд, пока не сведут мост, разведённый для прохода грузовых кораблей, и я была не в духе. Шагая по холлу, я даже не видела, что оставляю следы на чу?дной викторианской плитке, которую Пегги только что отскоблила дочиста. Когда я уже поднялась по лестнице, вдруг что-то заставило меня обернуться, и я заметила, какую грязь развела.

- Простите, пожалуйста! - воскликнула я виновато.

- Не вздумайте извиняться! - с улыбкой запротестовала Пегги и тут же снова опустилась на колени.

Она была куда старше, чем казалась. Глядя на её гладкую кожу с несколькими морщинками у глаз, вы бы дали ей не больше тридцати, но на деле ей было под сорок пять. Она была гибкой, как девочка, и двигалась необычайно грациозно. Многие женщины мечтают выглядеть так в её годы - так в чём же заключался её секрет? Что за внутренний радостный свет озарял её черты?

Хотя они были ровесницами, Пегги выглядела лет на двадцать младше, чем Джейн. Её мягкие округлости резко контрастировали с костлявыми конечностями Джейн, ясная кожа казалась ещё свежее на фоне её сухих морщин, а белокурые локоны совсем не походили на седые патлы. Пегги заразительно хохотала, а хихиканье Джейн только раздражало. Но Пегги была невероятно нежна со своей подругой, терпеливо сносила её постоянные оплошности и нервную болтовню и как никто умела её рассмешить. Когда приходила Пегги, Джейн словно немного успокаивалась, чаще улыбалась и даже как будто меньше боялась всего вокруг.

Брат Пегги, Фрэнк, торговал рыбой, и все звали его Фрэнком-рыбником. Все сходились на том, что он продаёт лучшую рыбу на Крисп-стрит. Неизвестно, было ли дело в самой рыбе или же в его трудолюбии или обаянии. Возможно, секрет крылся в успешном сочетании этих факторов.

Он мало спал, поднимался в три часа ночи и отправлялся на Биллингсгейтский рыбный рынок. Ему приходилось таскать за собой тележку – мало у кого в те дни имелся грузовик. На рынке он сам выбирал каждую рыбку, поскольку досконально знал пристрастия покупателей, а в восемь утра уже раскладывал прилавки на Крисп-стрит.

Фрэнк любил свою работу и обладал, казалось, неистощимым запасом энергии. Он веселил всех вокруг, и большинство портовых рабочих получали на обед копчёную селедку, поскольку их жёнушки были не в силах устоять перед сокрушительным обаянием Фрэнка – он совал им скользкую рыбу, подмигивая и украдкой пожимая руку.

В два часа дня он сворачивал торговлю и брался за доставку. Учёта он не вёл, но своих покупателей знал прекрасно и никогда не ошибался. В Ноннатус-Хаус он приходил дважды в неделю, и они с миссис Би были лучшими друзьями, хотя она и недолюбливала мужчин.

Жены у Фрэнка не водилось, а поскольку он хорошо зарабатывал и всегда был в прекрасном расположении духа, половина местных жительниц вздыхала по нему. Но ему это всё было безразлично. «Женат на своей рыбе», – ворчали они.

Казалось странным, что они дружат с Джейн – она патологически стеснялась мужчин. Если к нам приходил булочник или водопроводчик и она открывала дверь, это была катастрофа: она принималась щебетать, суетиться и пытаться им угодить, что выглядело крайне нелепо. Но с Фрэнком всё было по-другому. Его вечные шуточки и прибаутки становились мягче, и Джейн отвечала застенчивыми улыбками и благодарными взглядами. Или влюблёнными, как предполагали мои коллеги Синтия и Трикси. Неужели зажатая, высохшая Джейн втайне страдала по шумному рыбнику?

– Возможно, – говорила Синтия. – Это так романтично! Бедняжка Джейн. Он ведь женат на своей рыбе.

– Никаких шансов, – отвечала прагматичная Трикси. – Будь она в него влюблена, то вовсе не могла бы с ним разговаривать.

Как-то раз, вернувшись от Пегги и Фрэнка, Джейн печально сказала:

– Как бы я хотела иметь брата. Будь у меня брат, я была бы счастлива.

– Ей не брат нужен, а любовник, – ядовито заметила Трикси чуть позже, и все мы от души посмеялись.

Только потом я узнала печальную историю их дружбы. Джейн, Пегги и Фрэнк вместе выросли в работном доме. Девочки были ровесницами, Фрэнк – на четыре года старше. Джейн и Пегги стали лучшими подругами и делились всем: их кровати в общей спальне на семьдесят человек стояли рядом, за обедом они сидели вместе и вместе работали. А главное, они делились мыслями, чувствами, горестями и маленькими радостями. Сегодня работные дома кажутся приметой далёкого прошлого, но для людей, попавших в такие заведения – вроде Джейн, Пегги и Фрэнка – этот опыт стал определяющим.

Становление работных домов

Моё поколение выросло в тени работных домов. Наши родители, дедушки и бабушки жили в постоянном страхе, что они попадут в это ужасное место. Потеря дохода из-за болезни или безработицы, затем – выселение и улица; внезапная беременность, старость или смерть родителей также могли привести к нищете. Для многих этот кошмар стал реальностью.

Теперь работные дома исчезли, и в XXI веке воспоминание о них уже стёрлось. Большинство современной молодёжи даже и не слышали о них или об их обитателях. Но те, кто жил тогда, помнят. Мемуаров, однако, сохранилось немного – тем ценнее то, что мы знаем о судьбах таких людей, как Джейн, Фрэнк или Пегги.

В Средневековье монастыри и святые ордены помогали бедным и нуждающимся, что было частью их христианского долга. Но в 30-е годы XVI века Генрих VIII положил этому конец, начав расформировывать монастыри. Закон о бедных Елизаветы I от 1601 года должен был обеспечить поддержку тем, кто не способен был прокормить себя по болезни или из-за возраста. В каждом округе

строилась богадельня, где могли бы найти приют бедняки. Этот выдающийся поступок просвещённой королевы легитимизовал идею того, что государство несёт ответственность за нуждающихся.

Закон о бедных действовал более двух веков, и он работал, пока сельское население не превышало пять-десять миллионов человек. Но промышленная революция, набиравшая силу в конце XVIII века, навсегда изменила мир.

Одной из характерных особенностей XIX столетия был демографический взрыв. В 1801 году население Англии, Уэльса и Шотландии составляло около десяти с половиной миллионов человек. К 1851-му это число увеличилось до двадцати миллионов, а к 1901-му удвоилось ещё раз и составляло уже сорок пять миллионов. Фермы были не в состоянии ни прокормить, ни обеспечить работой столько народу. Правительство тех лет не могло справиться с этой проблемой, которую только усугубляли практика огораживания и «хлебные законы». Развитие промышленности и надежда получить место манили людей в города. Перенаселение, бедность и голод росли, и закон о бедных уже не мог контролировать такое количество нищих. Чтобы понимать масштабы нищеты в XIX веке, следует принять во внимание, как стремительно увеличилось население за сто лет.

Викторианская эпоха на самом деле не была периодом благодушного самодовольства, какой её принято изображать. В то время росла социальная осведомлённость: люди начали понимать, какая пропасть отделяет богатых от бедных. Тысячи добросердечных мужчин и женщин из обеспеченных слоёв общества, как правило, ведомые христианскими идеалами, посвящали жизни борьбе, осознав положение дел и посчитав его недопустимым. Пусть им не всегда сопутствовал успех, но они хотя бы говорили о существующих проблемах и стремились решить их.

Члены парламента и реформаторы беспрестанно обсуждали, как можно изменить и усовершенствовать старый Закон о бедных. Была созвана Королевская комиссия, и в 1834 году вышел Акт об улучшении Закона о бедных. Ответственность за бедняков передавалась от округов к союзам округов. Округные дома призрения закрывались, и союзы должны были открыть новые, большие учреждения, готовые принять по несколько сотен человек. Подразумевалось, что бедняки таким образом получат и работу, и приют.

Так появились работные дома. Ими управляли супруги, которые вели хозяйство вместе с нанятыми помощниками. Ответственность за каждый дом лежала на местном попечительском совете, а финансирование частично поступало из налогов, а частично – из государственных займов, подлежащих возврату. Расходы покрывались местными налогами, а доходы могли также поступать от заработков обитателей дома.

Есть версия, что система работных домов стала первой попыткой создания системы социального обеспечения в стране. Безусловно, работные дома организовывались для поддержки бедняков, что было началом становления нынешней системы.

В этом смысле они почти на век опередили своё время. Однако на деле благородные идеи реформаторов и законотворцев воплощались ужасающим образом, и работные дома стали местами страдания и отчаяния. Люди зачастую предпочитали умереть, лишь бы не попадать туда. Мой дедушка знал человека, который повесился, когда попечители сообщили ему, что ему следует отправиться в работный дом. Большинство работающих бедняков постоянно балансировали на грани нищеты. Для них работный дом не считался поддержкой – это была чёрная бездна, где пропадали безвозвратно.

Авторы Акта 1834 года предложили строить отдельные работные дома для разных категорий граждан, но через пару лет это разделение упразднили – так было проще и дешевле. Теперь в одних и тех же домах жили все нищие – старые, больные, увечные, дети, душевнобольные, а вместе с ними – здоровые мужчины и женщины, которые просто потеряли работу. Попытка управлять такими разношёрстными группами под одной крышей была обречена на провал.

Изначальная идея заключалась в том, что работный дом – это место, куда идут только в самом крайнем случае, а значит, условия содержания в нём должны быть хуже, чем на улице. Существовали строгие правила приёма, не допускавшие туда лентяев, желающих получить бесплатную крышу над головой. Но в результате страдали все. Никто не знал, как отсеять бездельников и не наказывать при этом невинных.

Чтобы в работные дома обращались исключительно в безвыходном положении, в них действовала жёсткая система правил и наказаний. Семьи разделялись,

мужчины жили отдельно от женщин, включая мужей и жён, братьев и сестёр. Детей старше семи лет селили отдельно. В теории считалось, что младенцы и ребятишки до семи могут жить с матерями в женских комнатах. Но теория часто расходится с практикой, и зачастую у матерей забирали чуть ли не младенцев-новорожденных. Здания строились так, что группы нищих не могли общаться друг с другом. Дома почти не отапливали, даже зимой. В общих спальнях обитали до семидесяти человек одновременно. Каждому полагались железная кровать, соломенный тюфяк и одеяло: для морозных зим этого было недостаточно. По ночам людей запирали, и санитарные условия были чудовищные. Им выдавали одежду – грубую тканую униформу, царапающую кожу и бесполезную в холода. Головы заставляли брить, хотя и не всегда. Это делалось, чтобы предотвратить распространение вшей, но иногда это делали и в качестве наказания, особенно для девочек, которых это особенно унижало.

Кормили скудно, и есть зачастую приходилось в молчании. В середине XIX века обитателю работного дома доставалось меньше еды, чем заключённому, хотя к концу столетия положение дел улучшилось.

Выходить за пределы дома разрешалось только с позволения его главы и исключительно для поисков работы или же по особым поводам: на крестины, похороны или на свадьбу. По идее, бедняк мог уйти из работного дома, но на деле это происходило редко, поскольку у людей не было ни работы, ни средств к существованию.

Все эти правила соблюдались под угрозой порки, голодовки и одиночного заключения. Жалобы на условия жизни зачастую пресекались наказаниями. С хозяевами и работниками следовало вести себя смиренно.

Спустя столько времени легко высокомерно осуждать «викторианское ханжество». Но нельзя забывать, что на самом деле это была первая попытка создания системы социального обеспечения, а каждое новое начинание сопровождается ошибками. За тот век, что существовали работные дома, об их деятельности публиковались отчеты, и предпринимались постоянные попытки их реформации.

Все эти суровые условия должны были отпугнуть бездельников. Беда в том, что поскольку под одной крышей содержали самых разных людей и ко всем применялись одинаковые правила и наказания, страдали все: старики, больные, инвалиды, душевнобольные и дети. В атмосфере работных домов ожесточались

души людей и уничтожалось их достоинство.

Ещё стоит упомянуть сотрудников этих учреждений. Поначалу туда шли служить совершенно неподготовленные люди. Предсказать это было невозможно, поскольку это был первый опыт, но в результате дома стали прибежищем мелких тиранов, наслаждавшихся обретённым могуществом. Власть хозяев ничем не ограничивалась, и от них зависело, как будут жить обитатели дома. Следовало соблюдать правила, а глава дома мог быть как добрым и человечным, так и суровым. Единственным навыком, который требовали от претендентов на управление работным домом, было умение командовать и обеспечивать дисциплину – из-за этого туда, например, часто шли бывшие военные.

Трудовая деятельность также быстро стала проблемой. Торговля не входила в цели Акта 1834 года, но, чтобы обеспечить какой-то доход на повседневные нужды, работные дома порой продавали то, что производили бедняки. Это вызывало протесты у частных предпринимателей: продукты производства дешёвой рабочей силы наносили урон их делу, и в результате им приходилось снижать зарплату своим сотрудникам или даже сокращать их. Это обернулось трагедией, поскольку эти работники зачастую содержали семьи – в отличие от обитателей работных домов. Главной же сложностью было то, что в системе рыночной экономики рабочие места не могут возникать ниоткуда (данный вопрос сохранил свою остроту и поныне). Хотя в XIX веке промышленная экономика Великобритании стремительно росла, регулярные рецессии приводили к тому, что тысячи граждан лишались мест, тем самым пополняя ряды обитателей работных домов. Чтобы обеспечить занятость в этих учреждениях, людям предлагали бессмысленный, бесцельный труд: например, мужчинам приходилось дробить камни. В промышленной Англии существовали камнедробильные аппараты, но беднякам приходилось дробить щебень молотами. Кости животных перетирали в пыль для удобрений с помощью машин, но эти несчастные мололи их вручную. В одном из работных домов стояла зернодробилка, которую часами гоняли по кругу, но впустую: там не было зерна.

Женщины готовили и стирали на всех. В этом контексте часто употребляют слово «скоблить». Ежедневно они скоблили каменные полы, лестницы и коридоры. Помимо всего прочего, женщины и дети должны были вручную шить паруса и щипать паклю, которой конопатили щели. Паклю получали из старых канатов, зачастую покрытых смолой или морской солью, и от этого страдали кожа и ногти. Полученным волокном затыкали зазоры в бортах кораблей.

Согласно Акту 1834 года, дети могли получить обязательное начальное образование (в виде обучения основам счёта и чтения); ребяташки учились три часа в день, и каждый попечительский совет нанимал учителя. Когда в 1870 году приняли Закон об образовании, детей переселили из работных домов в отдельные учреждения и обязали посещать местные пансионы.

Согласно тому же Акту, больным полагались услуги квалифицированного медика, но сестринские обязанности выполняли обитательницы работных домов. В больших группах людей, которых не выпускали за пределы дома, заразные заболевания распространялись с невероятной скоростью. К примеру, в 80-х годах XIX века в работном доме в Кенте из ста пятидесяти четырёх детей только у трёх не обнаружили туберкулёза.

Много говорят о сумасшедших, попадавших в работные дома. Мне кажется, что жизнь там подпитывала в людях безумие. В 1950-х годах мне довелось услышать так называемый «вой работного дома» от женщины, которая в начале века прожила там двадцать лет. От этого звука леденела кровь.

Для тех, кто не мог позволить себе врача или больницу, существовали лазареты. Но их боялись едва ли не больше, чем самих работных домов, и считали пристанищами хворей, безумия, забвения и смерти. Врачи и санитары там были самого худшего порядка и зачастую отличались грубостью и невежеством: ни один доктор, заботящийся о своей карьере, туда бы не пошёл. Отношение медиков, безразличных к жизни бедняков, в полной мере отражало нравы того времени.

Стигма внебрачного рождения искалечила судьбы миллионов неудачливых девушек и их детей. Если возлюбленный бросал свою подругу, а её родители не могли или не хотели обеспечить её с ребёнком, работный дом зачастую был единственным выходом. Малыш появлялся на свет в лазарете. Когда девушка заканчивала кормить, ей следовало покинуть дом и отправиться на поиски работы. Но рынок труда для женщин был ограничен, тем более для матерей. Им также предлагалось отдать ребёнка на усыновление. Многие врачи объявляли «истеричками», «душевнобольными» или вовсе «дегенератками», после чего детей отбирали насильно и выращивали в работном доме. Предполагалось, что молодая мать найдёт работу на воле и, выплачивая налоги, будет компенсировать траты на содержание и образование своего чада. Если найти место не удавалось, ей приходилось возвращаться в женское отделение

рабочего дома. Это была бессердечная и примитивная система, и правила отражали принятое в обществе отношение к «падшей женщине», подлежащей обязательному наказанию.

Именно такая история привела в рабочий дом Джейн, мать которой уволили за недозволенную связь со своим нанимателем.

Джейн

– За этой маленькой нахалкой нужен глаз да глаз. Ты слышал, что она болтала за завтраком?

– Не волнуйся, дорогая. Уж я её переломаю.

Речь шла о Джейн – она родилась в рабочем доме. Ходили слухи, что её отец – высокопоставленный джентльмен, известный как в парламенте, так и среди адвокатов. Когда жена обнаружила его в постели с горничной, девушку немедленно выставили и определили в рабочий дом, где и появилась на свет Джейн.

Мать выкормила дочь, но сразу же после этого малышку забрали и поместили в ясли. Девушка вернулась в женское отделение рабочего дома и больше никогда не видела своего ребёнка. Так и вышло, что Джейн выросла в рабочем доме и другой жизни не знала.

Ей приходилось непросто, но никакие шлепки и наказания не могли оборвать радостный смех Джейн. Во дворе она гонялась за другими детьми или же пряталась за углом и выскакивала к ним с радостным криком. В общих спальнях она скрывалась под кроватями и тыкала палочкой в тюфяки спящих. Начиналась суматоха, надзиратель раздавал шлепки и приказывал замолчать. Джейн, вечной заводиле, доставалось больше всех. Она засыпала в слезах, но наутро с хохотом принималась за старое.

С возрастом боевой характер причинял ей всё больше проблем. От детей ожидали послушания, а если порядок нарушался, как правило, выяснялось, что к

этому причастна Джейн. Кто связал шнурки на ботинках госпожи Шарп, пока та сидела и штопала носки? Да так, что она упала, когда встала и попыталась сделать шаг. Виновника не нашли, но Джейн видели неподалёку, поэтому ей задали хорошую трёпку. Кто взобрался по водосточной трубе? Ну разумеется, Джейн. А кто перемешал всю обувь в общей спальне, чтобы всем досталась чужая? Если и не Джейн, то это вполне в её духе, так что наказали именно её.

На беду, Джейн выделялась в толпе – не заметить её было невозможно. Она была выше остальных и гораздо симпатичнее, кудрявая и синеглазая, и, что ещё хуже, куда сообразительнее прочих – а хозяева боялись умных детей. Они велели надзирателям не спускать с неё глаз.

– Шагом, не отставать! Голову выше! Не сутулиться!

Уж с госпожой Хокинс не забалуешь.

Воскресным утром девочки строем шли в церковь. Это была очень длинная цепочка почти что из сотни человек. Джейн, шагая где-то в середине, наблюдала, как старая толстая госпожа Хокинс семенит рядом, словно пингвин, и не удержалась: у неё был прирождённый дар копировать окружающих, и она растопырила руки, закинула голову и закосолапила. Девочки вокруг захихикали. Тут же Джейн ударили по голове, и с такой силой, что она вылетела из строя и рухнула на дорогу. Её подняли, снова ударили и втокнули обратно в строй. В ушах у неё звенело, а перед глазами плясали искры, но приходилось идти. Ей было шесть лет.

– Что это такое? – вопрошал директор с побагровевшим лицом, выкатив глаза. – Откуда эта дрянь?

Он глядел на свой собственный портрет, накаляканный на тетрадном листке. Для ребёнка это был очень талантливый рисунок, но директор не был способен это оценить. Он видел себя – с громадными усами, квадратной головой, крохотными глазками и огромным пузом. Рисунок уже три дня ходил по рукам, вызывая всеобщий восторг, что ещё сильнее разъярило мужчину.

Директор собрал девочек в зале и обратился к ним с кафедры. Он напомнил им, что они всего лишь нищенки, которые должны уважать своих благодетелей и

повиноваться им. С непослушными, дерзкими и нахальными будут поступать строго. Он поднял перед собой рисунок.

– Кто это сделал? – спросил он угрожающе.

Никто не пошевелился.

– Хорошо. Всех вас выпорют немедленно, начиная с первого ряда.

Джейн встала.

– Это я нарисовала, сэр, – прошептала она.

Её отвели в комнату для наказаний – крохотное помещение без окон и мебели, с одной-единственной табуреткой. На стене висели розги. Джейн жестоко выпороли по голой попе. Несколько дней она не могла сидеть. Ей было семь лет.

«Тут-то она сломается», – с удовлетворением думал директор. Но не вышло. Он ничего не понимал. Как она могла на следующее утро беззаботно танцевать во дворе, словно ничего не произошло?

Джейн не падала духом, потому что она знала тайну. Это была самая настоящая тайна, и она не говорила о ней ни с кем, кроме Пегги. Она хранила её и лелеяла. Именно этот секрет давал ей столько сил и радости. Но именно из-за него Джейн суждено было пережить самое большое несчастье, от которого она потом страдала до конца своих дней.

Слухи о том, что её отец – высокопоставленный джентльмен, дошли до Джейн, когда она была совсем маленькой. Возможно, она подслушала разговоры надзирательниц, или же кто-то из девочек что-то узнал и рассказал ей. Или же мать Джейн поделилась секретом с товаркой, а та поведала остальным. Мы не знаем, как зарождаются слухи.

Но Джейн считала это не слухом, а истиной. Её отец был настоящим джентльменом, и она знала: однажды он заберёт её. Малышка без конца о нём думала. Она фантазировала, что они разговаривают. Воображала, как она причёсывается и кокетливо на него смотрит, а он любит её кудряшками. Она

мчится по двору во весь опор, потому что он наблюдает за ней и восхищается её силой и быстротой. Он всегда рядом. Он повсюду.

Джейн ясно представляла его. Он не походил на мужчин в рабочном доме – ни на угольщика, ни на булочника, ни на истопника. Они все были уродливые и низкорослые, носили грубую одежду и полотняные кепки. Он не напоминал ни директора, ни воспитателей. При одной мысли о них Джейн морщила носик от отвращения. Её отец был другим: высоким и стройным, с тонкими чертами лица и бледной кожей. Пальцы у него были длинные – она смотрела на свои изящные руки и знала, что это у неё от папы. У него были густые волосы – лысых она не любила, – мягкие и седые, всегда чистые и аккуратно причёсанные. Его одежда ничуть не напоминала грязные тряпки, которые носили рабочие, и от её отца никогда не воняло потом. Он носил элегантные костюмы, от него пахло лавандой, на голове у него был цилиндр, а в руках – трость с золотым крестом на набалдашнике.

Она точно знала, как звучит его голос, – в конце концов, они постоянно беседовали. Не грубый и скрипучий, как у других, а низкий и музыкальный, полный искорок смеха, ведь они часто дурачились вместе и потешались над руководством и надзирателями. Когда она нарисовала директора, отец одобрительно прищурился и назвал её умницей.

Так отчего же ей было быть несчастной? Чем больше её били, тем ближе она становилась к папе. Он утешал её, когда она плакала по ночам. Утирал ей слёзы и велел быть храброй. Джейн прекращала рыдать, понимая, что ему нравится видеть её довольной и радостной, и тут же придумывала что-нибудь смешное, чтобы повеселить его. Он так любил её рассказы.

Придумала она и дом. Это был великолепный особняк с длинной подъездной дорогой и чу?дными деревьями в саду. К двери вели ступеньки, а в комнатах пахло воском и лавандой. На стенах висели картины, на полу лежали роскошные ковры. Отец брал её за руку и вёл по комнатам. Он говорил ей, что однажды заберёт её из рабочного дома, и они будут вместе жить в этом прекрасном доме с длинной подъездной дорогой и чу?дными деревьями.

Когда Джейн исполнилось семь, она стала ходить в школу при местном совете. Она очень гордилась этим – ещё бы, настоящая школа для взрослых девочек, и

Джейн она пришлась по душе. Она впервые в жизни увидела мир за пределами работного дома. Кроме того, ей нравилось учиться, и её юный ум начал развиваться. Она поняла, что может узнать тысячи новых вещей, и стремительно впитывала знания. В работный дом высылали отличные табели. Директора это не трогало. Когда глава школы попросила разрешить Джейн брать уроки фортепиано, потому что у девочки оказался замечательный слух, ей отказали, поскольку беднякам в работных домах не дозволялись никакие особые привилегии. По той же причине Джейн не разрешили исполнять роль Марии в рождественском спектакле.

Джейн была страшно разочарована – в основном потому, что её отец был бы счастлив увидеть её в этой роли. Несколько ночей подряд она засыпала в слезах, пока папа наконец не сказал ей, что не стоит так расстраиваться из-за какой-то глупой школьной постановки. Когда они будут вместе жить в прекрасном особняке с чудными деревьями, она сможет играть в самых лучших спектаклях.

Девочек из работного дома старались держать подальше от остальных школьниц. Это происходило из-за того, что несколько матерей заявили, что не желают, чтобы их дочери «якшались с этим отродьем». Сегрегация приносила всем много горя – но только не Джейн. Она смеялась, когда слышала, что ученицам из работного дома запрещается играть с другими детьми, и презрительно встряхивала кудряшками. Она им ещё покажет! Всем этим унылым девочкам, дочерям мусорщиков, дворников и торговцев фруктами. Они ещё пожалеют, когда её папа, высокопоставленный джентльмен, подъедет к школе в экипаже. Она бросится к нему у всех на глазах. Он возьмет её на руки, поцелует и заберёт с собой, а все будут смотреть и завидовать. Учителя станут говорить друг другу: «Мы всегда знали, что Джейн особенная».

Джейн повезло с учительницей. Мисс Саттон была молода, умна и полна энтузиазма. Не будет преувеличением сказать, что она подходила к просвещению нищих с поистине миссионерским пылом. Она разглядела в Джейн необычайные способности и твёрдо вознамерилась развить их. Девочка научилась писать и читать чуть ли не в несколько раз быстрее своих товарок, и, пока мисс Саттон мучилась с остальными детьми, которые учили алфавит и пытались разбирать слова, Джейн писала для неё рассказы. Сочинение давалось ей легко и радостно – она бралась за предложенные мисс Саттон темы и придумывала чудесные детские истории. Несколько рассказов показали директору школы, и та отметила, что перед ними выдающийся ребёнок, и передала для Джейн экземпляр «Детского сада стихов» Стивенсона. Девочку

заворожил поэтический ритм, и она быстро выучила множество произведений наизусть и мысленно читала их отцу.

Мисс Саттон познакомила Джейн с историей и географией, используя вместо учебника детскую энциклопедию. Уроки проходили втайне, поскольку мисс Саттон наняли преподавать чтение, письмо и арифметику. Кроме того, ей хватило благоразумия осознать, что, если она попросит дополнительных занятий для Джейн, ей откажут, и на этом всё закончится.

Мисс Саттон избрала мудрую политику – она выдавала Джейн по книге за раз и говорила:

– Думаю, тебе понравится. Как закончишь, напиши мне об этом, и мы обсудим всё за обедом.

Джейн обожала мисс Саттон, и их беседы о королях, королевах и дальних краях были лучшими моментами её дня.

Детская энциклопедия являлась настоящим сокровищем: десять толстых томов в красивых тёмно-синих переплётах с золотой гравировкой. Джейн жадно поглощала их. Она любила книги, ей нравилось трогать и нюхать их, и она была бы счастлива оставить энциклопедию себе, но это было невозможно: она хранилась в книжном шкафу. Однако мисс Саттон по первой же просьбе выдавала её. Джейн относилась к ней с благоговейным трепетом. Каждое слово здесь было священно – ещё бы, ведь так говорилось в «циклопедии».

Однажды ей попало длинное незнакомое слово. Водя пальцем по странице, она принялась разбирать его вслух. «Пар» – тут всё ясно. «Ла» – хм, странно. «Мент» – вроде бы понятно, но что значит всё вместе? И тут вдруг всё прояснилось: парламент. Говорили, что её папа – в парламенте. Она бросилась читать с такой страстью, будто от этого зависела её жизнь. Дети вокруг разбирали слова: К-О-Т, П-Ё-С. Джейн ничего не слышала – она жадно впитывала информацию о парламенте и конституции Великобритании. Она мало что понимала, но это было неважно, ведь речь шла об отце. Девочка перелистнула несколько страниц и вдруг увидела его. Иллюстрация так и бросилась ей в глаза. Это был папа, именно такой, каким она всегда его воображала: высокий, худой, с проседью, с добрым и задумчивым лицом. В элегантном сюртуке с фалдами, узких брюках и роскошных ботинках. С цилиндром на голове и –

тростью с золотым крестом на набалдашнике в руках. Пальцы у него были длинные и изящные, прямо как у неё. Джейн поцеловала страницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Акушерки Святого Раймонда Нонната», «Сент-Раймондские акушерки» – это псевдоним. Я назвала их так в честь святого Раймонда Нонната, покровителя акушеров, акушерок, беременных, рожениц и новорождённых. Он появился на свет в Каталонии в 1204 году посредством кесарева сечения (non natus по-латыни значит «нерождённый»). Его мать, что неудивительно, скончалась при родах. Он стал священником и умер в 1240 году.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhennifer-uorf/vyzovite-akusherku-teni-ist-enda>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)